

8. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1986.
9. Нацыянальныя Архіў Рэспублікі Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд. 4. – Воп. 81. – Спр. 2421.
10. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 81. – Спр. 2417.
11. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 151. – Спр. 36.
12. Архіў МУС Рэспублікі Беларусь (далее – Архіў МУС РБ). – Ф. 25. – Воп. 1. – Спр. 105.
13. Архіў МУС РБ. – Спр. 124.
14. Архіў МУС РБ. – Спр. 108.
15. Архіў МУС РБ. – Спр. 157.
16. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г.: статистический ежегодник. – Минск : Статистика, 1987. – 275 с.
17. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г.: статистический ежегодник. – Минск : Беларусь, 1990. – 271 с.
18. Коммунистическая партия Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1981. – 143 с.
19. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 134. – Спр. 35.
20. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 160. – Спр. 1139.
21. Архіў МУС РБ. – Фонд 34. – Воп. 1. – Спр. 7.
22. Архіў МУС РБ. – Спр. 80.
23. Архіў МУС РБ. – Фонд 25. – Воп. 1. – Спр. 157.
24. Архіў МУС РБ. – Спр. 125.
25. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 150. – Спр. 115.

ПАРТИЯ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Семенова Л. Н.

г. Минск, БНТУ

Власть и управление в любые периоды истории, включая советский, крайне плохо поддаются теоретическому осмыслению в терминах западной политологии. Между тем для характеристики Советского Союза в общественно-политическом, научном и учебном дискурсе продолжают употребляться понятия «тоталитаризм», «однопартийная система», «партия-государство», «диктатура партии», «партократия».

РКП (б) – ВКП(б)–КПСС, включавшая КПБ и другие республиканские отряды, не была политической партией классического за-

падного типа, корпорацией публичного права, юридическим лицом гражданского общества. Партия западного типа, с одной стороны, в своей структуре имеет руководящий партийный аппарат, поставляющий кандидатов на выборы, с другой стороны, практически не организованную партийную массу, которая проявляет свои партийные симпатии в предвыборных мероприятиях и на выборах. В структуре КПСС также выделялся разветвленный руководящий партийный аппарат. Но на низовом уровне партийные ячейки во главе с партийными руководителями существовали практически в каждом трудовом коллективе, во всех предприятиях и в учреждениях, во всех «клеточках» советского общества по терминологии А.А. Зиновьева. По его словам, «партийная организация в первичных коммунах выражает народовластие и его границы. Одновременно она образует связующее звено и регулятор взаимоотношений народовластия и государственной власти» [2, с. 169].

Важнейший системообразующий признак западной партии – ее целеполагание, связанное с борьбой за власть. Это придает партии политический характер. Большевистская партия, придя к власти, по словам И.В. Сталина, завоевала такое положение, «при котором она стала единственной легальной партией в стране, не делаящей своего руководства ни с какой другой партией. Руководящая партия должна быть монопольна» [3, с. 348]. При таком положении и охватывающей все общество структуре, став системообразующим началом общества, партия неизбежно «уменьшает» свой политический характер.

Западные партии как корпорации публичного права действуют в соответствии со специальными законами о партиях. Даже А. Гитлер, придя к власти, позаботился о принятии «Закона об обеспечении единства партии и государства», придав, таким образом, НСДАП некое подобие легитимности. В смысле соответствия законодательству КПСС была нелегальной организацией. До самого конца перестройки КПСС не подпадала под действие единственного общенормативного акта, регулирующего положение общественных организаций, а именно «Положения о добровольных обществах и союзах (от 10.07.1932 г.)». Согласно положению любое добровольное общество признается юридическим лицом со всеми правами только со дня утверждения его устава государственным органом. Как заметил А.И. Фурсов, «устав КПСС никаким государственным

органом не утверждался. КПСС как организацию никто (т.е. государство) вообще не разрешал, да и как, и кто может разрешить организацию, провозгласившую себя “высшей формой общественно-политической организации советского общества”» [4, с. 248].

Решения ЦК КПСС признавались одним из источников советского права. «Организовать и направлять разработку законов, – пишет А.И. Фурсов, – значит быть над ними, быть их демиургом». Он обратил внимание на следующий красноречивый эпизод. Во время суда над «королями» советского черного рынка, возглавлявшими сеть нелегального оборота золота и иностранной валюты Рокотовым, Файбишенко и Яковлевым, Н.С. Хрущев, узнав, что по советским законам им «светит» всего лишь 5–6 лет лишения свободы, потребовал для них расстрела. Но когда генеральный прокурор возразил, что такое наказание не предусмотрено советским законодательством, Хрущев пришел в ярость: «Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?» Во время судебного процесса законы несколько раз поменяли и подвели обвиняемых под расстрельную статью [4, с. 144, 247].

Юридические лица для осуществления своей уставной деятельности имеют собственные бюджеты. В тоталитарной фашистской Германии строго разграничивались золото рейха, СС, НСДАП. При том, что члены КПСС регулярно уплачивали партийные взносы, самостоятельного бюджета у КПСС не было. Руководитель Управления делами ЦК КПСС, по сути «казначей партии» Н.Е. Кручина отмечал, что до 1991 г. валютные средства для КПСС централизованно предусматривались Госпланом и Минфином. То есть разницы между партийной и государственной казной не было. Неслучайно, предчувствуя вхождение в рыночный капитализм, высшие партийные функционеры задумались о необходимости оформления партийной собственности. 23 августа 1990 г. появился секретный документ «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии», направленный М.С. Горбачеву. В нем говорилось: «... как свидетельствуют уроки Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению партийного имущества применительно к требованиям коммунистической работы и включение его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии» [4, с. 144]. А в общественном

сознании и литературе уже выросал миф о «золоте партии». Но это «золото» стало приобретать зримые очертания только при капиталистической контрреволюции, удивившей мир масштабами приватизации – «прихватизации». До этого при господстве общенародной собственности его просто не могло быть.

Особое положение коммунистической партии в советском обществе зафиксировано и в советских конституциях. В конституции СССР 1936 г., известной как «конституция победившего социализма», в ст. 126 гл. X «Основные права и обязанности граждан» компартия определяется в качестве «руководящего ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В конституции «развитого социализма» 1977 г. в ст. 6 гл. I «Политическая система» партия трактуется, как «руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы, государственных и общественных организаций». Введение главы о политической системе стало попыткой зафиксировать советскую управленческую реальность сквозь призму западной политической науки. Однако в случае с КПСС это не получалось, поэтому и назвали ее ненаучно «силой» и «ядром». А сколько появилось подобных образных метафор, кстати, точнее передающих суть партии, чем политологическая терминология. Это и знаменитое ленинское «ум, честь и совесть нашей эпохи». Л.И. Брежнев уподобил партию сердцу в организме [4, с. 245]. Г.А. Зюганов заметил: «Сломав партийный стержень, державу превратили в разбегающиеся галактики» [4, с. 246]. А.И. Фурсов, развивая концепцию о специфике русской власти, дал следующее определение коммунистическому строю: «... система клеток и органов социально однородной власти, в котором ячейка власти и ячейка производства совпадали. Главным же органом этого строя была КПСС, но не как партия, а как некое явление “КПСС”» [4, с. 245].

Это действительно было особое явление в управленческой системе СССР. Согласно достаточно общей теории управления оптимальным считается управление по схеме предиктор-корректор. Метод предиктор-корректор в вычислительной математике представляет собой цикл, в котором последовательно друг за другом выполняются две операции: первая – прогноз решения и вторая – проверка прогноза на удовлетворение требованиям к точности решения задачи. На русский язык термины предиктор-корректор мо-

гут быть переведены как предуказатель-поправщик. Управление по схеме предиктор-корректор представляется как сочетание действий: 1) предиктора, выполняющего функцию прогноза и выработки методологии, концепции и программы управления и 2) программно-адаптивного модуля (корректора), который непосредственно управляет объектом на основе разработанной программы, адаптируя ее к конкретике обстоятельств, в которых протекает процесс управления [1, с. 100–101].

В кибернетике этот принцип известен как принцип внешнего дополнения в механизме управления самоорганизующихся систем с двумя контурами управления. Субъект управления (управленец), находящийся под влиянием окружающей среды, ставит цель и воздействует на объект управления, получая от него обратную связь. В совокупности все это составляет первый контур управления. Но управленец также реагирует на внешние дополнительные импульсы, дающие ему определенные знания, что создает второй, но при этом очень важный концептуальный контур управления. При этом роль внешнего дополнения лучше всего выполняет структура с совершенно другим «генотипом», говорящая на другом языке, нежели субъект управления. Если управление с одним контуром, который выполняет роль обычного регулятора, как правило, не выходит за пределы самосохранения системы, поддержания ее простого равновесия (гомеостаза), то двухконтурное управление, ставя серьезные цели, приводит к развитию системы.

Таким образом реальный процесс управления по полной функции управления является двухконтурным. Это хорошо прослеживается в древних обществах. Жречество выполняло функцию предиктора, правители (фараоны, князья, цари, императоры) – функцию корректора. Если власть правителей (корректора) была публичной и ограничивалась государственными границами, то концептуальная власть предиктора не публична и не знает границ. Для очень многих стран она была внешней, что подтверждается реалиями европейского средневековья, когда функцию предиктора-жречества взяла на себя христианская церковь, распространив на многие страны и народы библейский проект.

В эпоху капитализма двухконтурность управления оказалась максимально скрытой. С одной стороны, с развитием конституционализма, демократии, гражданского общества выборной и нарочито

публичной становится власть корректора. Электорат выбирает парламенты, президентов, местные советы, губернаторов, мэров, наблюдает за их делами, критикует, видит деятельность легальной оппозиции, в случае недовольства может избрать других. Люди верят, что это и есть полный механизм власти, которая лишившись сакральности и таинственности, стала вполне рациональной. Но, наблюдая за перипетиями обсуждения статей какого-либо закона в парламенте, они не задают вопрос, а кто вообще придумал главную идею закона. Следя за голосованием по поводу участия или неучастия своей страны в войне, они не думают, а кто эту войну развязал. Власть предиктора никуда не исчезла. Она просто ушла в тень. А.И. Фурсов объясняет необходимость второго контура управления еще и таким обстоятельством. Капитализм как экономическая система носит мировой наднациональный характер. Однако формальная политическая организация капиталистической системы имеет национальный характер. Поэтому правящая верхушка остро нуждается в органах наднационального согласования и управления [5, с. 52]. Добавим, что при неизбежном расхождении между мировыми экономическими интересами и национальными государствами такие органы не могут не быть тайными. На рубеже XIX–XX вв. влияние подобных структур на Российскую империю было столь масштабным, что позволило им воздействовать на ход Февральской революции, уничтожившей государство.

Определив для себя иную, чем капитализм концепцию развития, выйдя из мировой капиталистической системы, для самостоятельного эффективного развития Советский Союз рано или поздно должен был создать у себя собственную двухконтурную систему управления. Восстановленная и преобразованная через советы привычная государственная система стала корректором, а функции предиктора естественно взял на себя новый субъект исторического действия – победившая партия большевиков. Как подчеркивал И.В. Сталин: «Положение нашей партии в стране как единственно легальной партии не есть нечто искусственное и надуманное» [3, с. 348]. Как когда-то жрецы-волхвы были в каждой общине, так и теперь в каждой деловой клеточке была создана своя партийная организация. В терминах кибернетики роль партии четко определяется в качестве внешнего дополнения. Уничтожив второй контур управления, вынув сердце из организма, стержень из системы,

быстро был сломлен и первый. Страна была разрушена. Но нельзя не отметить, что и партия в качестве предиктора не справилась со своей главной функцией развития и удержания концептуальной власти, позволив капиталистической системе перехватить ее.

Использованные источники и литература

1. Внутренний предиктор СССР. Достаточно общая теория управления. – М.: Концептуал, 2018. – 464 с.
2. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
3. Краткий курс истории ВКП (б). Текст и его история. В 2-х ч. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б). 1931–1956». / Сост. М.В. Зеленев, Д. Брандербергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 791 с.
4. Фурсов, А. И. Русский интерес / А. И. Фурсов. Изд. 2-е. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 501 с.
5. Фурсов, А. И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств / А. И. Фурсов. – М.: Книжный мир, 2016. – 320 с.

АБ САМАСТОЙНАСЦІ І ЗАЛЕЖНАСЦІ Ў ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ССР: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКІХ, РАСІЙСКІХ І ЎКРАЇНСКІХ ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ АРХІВАЎ (1944–1991 гг.) Снапкоўскі У. Е. г. Мінск, БДУ

Знешнепалітычная дзейнасць савецкіх саюзных рэспублік у 1944–1991 гг., перш за ўсё Украінскай ССР і Беларускай ССР уяўляе сабою цікавы феномен у гісторыі савецкай знешняй палітыкі і міжнародных адносін. Гэты феномен тлумачыцца ў першую чаргу асаблівым міжнародна-прававым і палітыка-прававым статусам саюзных рэспублік СССР, вызначаным канстытуцыйнай рэформай 1944 г. і наступнымі палітычнымі і прававымі зменамі ў рамках савецкай федэратыўнай дзяржавы. Галоўнай асаблівасцю знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік у названы перыяд з’яўлялася тое, што яны, з аднаго боку, фармальна-юрыдычна як бы мелі ўсю паўнату знешнепалітычных паўнамоцтваў, а, з іншага боку,